

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
9 August 2019
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Мнения в отношении сообщения № 100/2016, принятые
Комитетом в соответствии со пунктом 3 статьи 7
Факультативного протокола^{***}**

<i>Сообщение представлено:</i>	Х. и У. (интересы которых представляют адвокаты Валентина Фролова и Мари Давтян)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	29 декабря 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	препроведена государству-участнику 21 марта 2016 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия мнений:</i>	16 июля 2019 года

* Приняты Комитетом на его семьдесят третьей сессии (1–19 июля 2019 года).

** Следующие члены Комитета участвовали в рассмотрении данного сообщения: Хироко Акидзуки, Гладис Акоста Варгас, Николь Амелин, Тамадер Ар-Рамма, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Анша Валь Верж, Наэла Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Ана Пелаес Нарваес, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгун Сафаров, Вэньян Сун, Геновева Тишева, Франселин Тоэ-Буда, Нахла Хайдар, Луиза Шалаль и Эстер Эгобамьен-Мшелиа.

Обстоятельства дела

1. Авторами сообщения являются Х. и У., гражданки России 1979 и 1975 года рождения, соответственно. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Российской Федерацией их прав, предусмотренных: статьей 1 Конвенции, с учетом общей рекомендации № 19 (1992) Комитета, касающейся насилия в отношении женщин, общей рекомендации № 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, и общей рекомендации № 33 (2015), касающейся доступа женщин к правосудию; статьями 2 b)–f) Конвенции; и статьей 5 а), рассматриваемой в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции и с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для Российской Федерации соответственно 3 сентября 1981 года и 28 октября 2004 года. Интересы авторов сообщения представляют адвокаты Валентина Фролова и Мари Давтян.

Факты в изложении авторов

Автор Х.

2.1 Х. была замужем за К. с 2009 по 2013 год. С 2010 по 2013 год ее муж систематически подвергал ее физическому и психологическому насилию: наносил побои, угрожал лишить жизни, причинял серьезные телесные повреждения, затевал частые ссоры, наносил словесные оскорбления и подвергал унижениям. Она не сообщала о жестоком обращении в полицию или медицинские организации, поскольку боялась спровоцировать дальнейшее насилие.

2.2 Х. имеет двух дочерей 2002 и 2012 года рождения, которые были свидетелями этих издевательств. Х. оставила работу после рождения второй дочери, у которой диагностировали иммунную нейтропению и которая в связи с этим нуждалась в постоянном уходе.

2.3 Около 8 ноября 2010 года, когда К. и Х. находились в машине в Санкт-Петербурге, К. в присутствии их старшей дочери ударил Х. по лицу, в результате чего она получила повреждение носа. Она обратилась за медицинской помощью в течение 24 часов. Она не сообщила об избиении, поскольку ее сопровождал муж.

2.4 В декабре 2010 года К. избил Х. дома. Он толкнул ее, и она упала на диван; затем он накинул на нее одеяло и ударил кулаком более 20 раз. Она получила удары по телу и по голове. Она обратилась за медицинской помощью и сообщила об избиении. Врач задокументировал ушибы грудной клетки, правой ягодицы и верхней трети левого бедра и сообщил об инциденте в полицию.

2.5 Старшая дочь автора сообщения жила в постоянном страхе перед агрессивным поведением отца и просила, чтобы ее отправили к бабушке в Иркутск. В январе 2011 года автор сообщения уступила ее просьбе.

2.6 В 2012 году Х. решила уйти от мужа. Однако впоследствии она передумала, когда узнала, что беременна. Физическое и психологическое насилие продолжилось. В октябре 2012 года она родила свою вторую дочь.

2.7 Х. боялась за свою безопасность и безопасность своего ребенка. В феврале 2013 года она прекратила отношения с мужем и переехала в другую квартиру вместе с ребенком. К., однако, продолжал преследовать ее под предлогом посещения дочери. Он регулярно звонил ей, затевал с ней ссоры и продолжал свои

угрозы и оскорбления. Каждая ее встреча с мужем сопровождалась физическим и психологическим насилием.

2.8 2 апреля 2013 года Х. вместе со своим ребенком пришла на прием к педиатру. К. вошел в здание поликлиники и начал кричать и ругаться на Х. Он нанес ей словесные оскорбления и ударил по лицу не менее трех раз. Медицинский персонал вызвал охрану и отвез автора сообщения и ее ребенка в безопасное место. Автор сообщила об этом инциденте в полицию в тот же день. Было задокументировано, что он получила ушиб затылочной области.

2.9 Х. испугалась и обратилась за помощью в финансируемый государством центр социальной помощи семьям и детям Красногвардейского района Санкт-Петербурга. 7 мая 2013 года она была помещена в государственный приют в Санкт-Петербурге, но несмотря на это К. продолжал ее преследовать.

2.10 3 июня 2013 года К. ударил Х. в челюсть, когда она находилась на трамвайной остановке. При этом инциденте присутствовала мать К. Автор сообщения обратилась за медицинской помощью. Была составлена и передана в полицию запись об ушибах мягких тканей в области подбородка. Полиция зарегистрировала инцидент 5 июня 2013 года.

2.11 В течение последующего года автор безуспешно пыталась возбудить уголовное дело против К. При этом она продолжала подвергаться насилию.

2.12 Х. поясняет, что 4 июля 2013 года она подала жалобу о жестоком обращении в районное отделение Министерства внутренних дел и сообщила обо всех упомянутых выше случаях насилия. Она предоставила контактные данные 12 свидетелей и указала, что проживает в приюте из страха за свою безопасность. Ее жалоба было направлена в отделение полиции № 26 и зарегистрирована там 9 июля 2013 года. 17 июля 2013 года районная полиция отказала в возбуждении уголовного дела. 19 августа 2013 года прокурор признал отказ незаконным в связи с незавершенностью расследования, и дело было передано обратно для дальнейшего расследования.

2.13 В ходе дополнительного расследования районная полиция была проинформирована о том, что в 2009 году К. был осужден за побои, угрозы лишения жизни и словесные оскорбления и приговорен к одному году условно. В 2013 году отдел уголовного розыска Красногвардейского района Санкт-Петербурга освободил К. под подписку о невыезде на время проведения расследования предполагаемой кражи. 21 сентября свидетель, Л.М., заявил полиции, что он никогда не видел, чтобы муж автора сообщения избивал ее, но что он видел синяки у нее на теле и что, по ее словам, она подвергалась избиениям, ее муж постоянно затевал с ней ссоры и оскорблял и избивал также и детей. Полиция и после этого не предприняла никаких действий, и автор сообщения запросила у больниц, в которые она обращалась за медицинской помощью, соответствующую подтверждающую документацию.

2.14 25 сентября, 30 октября и 28 ноября 2013 года районная полиция отказала в возбуждении уголовного дела против К. Однако эти решения были отменены прокуратурой 30 сентября, 5 ноября и 5 декабря 2013 года, соответственно. Автор сообщения не была проинформирована о каких-либо дальнейших действиях полиции.

2.15 Х. заявляет, что отделение полиции № 13 рассмотрело ее жалобу в связи с инцидентом 3 июня 2013 года. Во время беседы с представителями полиции К. и его мать не отрицали, что он ударил автора сообщения по лицу. 10 июня 2013 года районная полиция отказала в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия заявления потерпевшей. Прокурор отменил это решение

14 июня 2014 года в связи с незавершенностью расследований. Районная полиция вновь отказалась возбудить уголовное дело 16 июля и 7 октября 2013 года; эти решения были отменены прокурором 22 июля и 11 октября 2013 года, соответственно. 14 октября 2013 года автор сообщения обратилась в отделение полиции № 13 с просьбой возбудить уголовное дело в соответствии с частью 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса. Она заявила, что, поскольку она не имеет юридической подготовки или финансовых средств для найма адвоката и из-за угроз и насилия, которым она подвергалась, вынуждена проживать в приюте, расположенном в отдалении от здания суда, ее присутствие в суде будет препятствовать обеспечению ухода за ее детьми, в частности постоянного медицинского ухода, в котором нуждается ее младшая дочь, и будет несовместимо с ее психологической реабилитацией.

2.16 В неустановленную дату районная полиция отказала в возбуждении уголовного дела, не обнаружив оснований для возбуждения дела в соответствии с частью 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса, поскольку Х. могла защищать свои права «на независимой основе». Прокурор отменил это решение 15 декабря 2013 года. 28 февраля районная полиция передала материалы дела мировому судье, исходя из того, что оснований для возбуждения уголовного дела в соответствии с частью 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса обнаружено не было и автор сообщения могла защищать свои права самостоятельно.

2.17 Что касается инцидента, произошедшего 2 апреля 2013 года, то отделение полиции № 26 проинформировало Х. 29 апреля 2013 года о том, что материалы дела были переданы мировому судье. В октябре 2013 года автор сообщения обратилась в отделение полиции № 26 с просьбой возбудить уголовное дело в соответствии с частью 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса.

Автор Y.

2.18 Y. вышла замуж за G. в 1994 году. У пары родилось трое сыновей — 1996, 2001 и 2011 года рождения.

2.19 2 февраля 2006 года G. угрожал Y. насилием и избил ее бабушку. Для расследования этого инцидента было возбуждено уголовное дело. Позднее дело было прекращено после примирения между бабушкой автора сообщения и мужем последней.

2.20 20 августа 2007 года G. избил Y. и угрожал убить ее на глазах у детей. Ей пришлось обратиться за медицинской помощью, и было зарегистрировано, что она получила травмы, в том числе ушибы левого плеча и таза. Она подала жалобу в отделение полиции по району Зябликово города Москвы. Полиция отклонила ее жалобу.

2.21 В период их брака G. регулярно совершал акты физического и психологического насилия в отношении Y. Автор сообщения регулярно сообщала о насилии в полицию, но безрезультатно. По прошествии какого-то времени она стала обращаться в полицию, только если насилие принимало крайне жестокий характер.

2.22 В ночь на 12 июня 2012 года G. нанес Y. словесные оскорбления и угрожал ей физической расправой. Затем он ударил автора сообщения по голове несколько раз. Она обратилась за медицинской помощью в московскую городскую поликлинику № 192. 18 июня 2012 года она подала жалобу в Зябликовское районное отделение полиции. Было начато предварительное расследование, и муж автора сообщения был допрошен; он отрицал применение насилия. Один из сыновей пары подтвердил показания отца. На этом основании 22 июня 2012 года

полиция отказала в возбуждении уголовного дела. Вместе с тем в решении не возбуждать уголовное дело упоминается, что действия мужа могут квалифицироваться как преступление в соответствии со статьей 116.1 Уголовного кодекса, но что в соответствии с частью 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса уголовное преследование в связи с такими действиями подлежит осуществлению в частном порядке и инициируется через посредство мирового судьи.

2.23 27 февраля 2013 года G. пытался принудить Y. к сексуальному контакту. Когда она отказалась, он несколько раз ударил ее по голове, что вызвало ушиб левой теменной области. Автор сообщения обратилась за медицинской помощью. Была составлена запись о том, что она получила травмы, в том числе ушиб теменной области головы. Она подала жалобу в Зябликовское районное отделение полиции. В ходе предварительного расследования ее отец подтвердил, что ее муж применял насилие. Тем не менее 5 марта 2013 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела по статьям 112 (умышленное причинение вреда), 119 (угроза убийством) или 213 (хулиганство) Уголовного кодекса. Автор сообщения была проинформирована о том, что она может подать жалобу мировому судье для осуществления уголовного преследования в частном порядке. Автор не стала этого делать из страха.

2.24 В связи с насилием, которому она подверглась, в апреле 2013 года Y. обратилась за помощью в центр социальной-правовой и психологической поддержки женщин «Надежда», где ей была оказана психологическая помощь.

2.25 6 мая 2013 года Y. подала заявление на развод и раздел имущества в Нагатинский районный суд города Москвы. 11 сентября 2013 года ее брак был расторгнут. Стороны подписали мировое соглашение, согласно которому семейная квартира перешла в собственность автора сообщения. Несмотря на это соглашение, G. продолжал оставаться в квартире и совершать насилие в отношении автора.

2.26 Y. сообщает, что в ночь на 7 августа 2014 года G. ударил ее по голове. Она вызвала полицию и обратилась за медицинской помощью. Согласно медицинскому заключению, она получала физические повреждения, которые включали ушибы мягких тканей головы. 9 августа 2014 года она подала жалобу в Зябликовское районное отделение полиции. 10 августа 2014 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела и сообщила автору сообщения, что последняя может подать свою жалобу мировому судье.

2.27 5 сентября 2014 года Y. подала в Нагатинский районный суд исковое заявление о выселении ее бывшего супруга из ее квартиры. 1 декабря 2014 года суд предписал бывшему мужу освободить квартиру.

2.28 17 ноября 2014 года Нагатинская межрайонная прокуратура отменила решения полиции от 5 марта 2013 года и 10 августа 2014 года об отказе в возбуждении уголовного дела. 30 декабря 2014 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела на основании заявлений, представленных 27 марта 2013 года и 9 августа 2014 года. 4 марта 2015 года это решение было отменено Нагатинской межрайонной прокуратурой.

2.29 Y. сообщает, что оценка медицинского заключения в связи с инцидентом 27 февраля 2013 года была проведена 18 мая 2015 года, а оценка медицинского заключения в связи с инцидентом 7 августа 2014 года — только в июне 2015 года. На сегодняшний день автор не получала от полиции какой-либо дальнейшей информации в связи с поданными ею заявлениями.

Исчерпание внутренних средств правовой защиты

2.30 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то авторы сообщений отмечают, что они регулярно обращались к районным прокурорам и в суды с целью обжаловать решения полиции об отказе в возбуждении уголовных дел. В своих жалобах авторы ссылаются на положения Конвенции, в частности ее статьи 1, 2 и 5 а), и на статьи 3, 8 и 14 Европейской конвенции по правам человека. Они поднимают вопросы, касающиеся: непроведения реального расследования; обусловленности действий полиции стереотипными представлениями о домашнем насилии; степени риска, которому подвергаются потерпевшие; способности потерпевших самостоятельно защищать свои права; и незаконности решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Они также заявляют, что стали жертвами дискриминации, против которой у них нет каких-либо средств правовой защиты; и что они столкнулись с нарушениями их права на доступ к правосудию, запрета на дискриминацию, пытки и другие виды бесчеловечного обращения, а также их права на частную и семейную жизнь.

Автор X.

2.31 В сентябре 2013 года X. подала жалобу в прокуратуру Красногвардейского района Санкт-Петербурга в связи с непроведением надлежащего расследования по ее заявлениям о домашнем насилии и в связи с тем, что она не была проинформирована о каком-либо прогрессе в этом отношении. Прокуратура вынесла постановление об оставлении ее жалобы без удовлетворения 20 сентября 2013 года. В ноябре 2013 года она подала жалобу в прокуратуру Красногвардейского района в связи с тем, что полиция не возбудила расследование на основании части 4 статьи 20. Уголовно-процессуального кодекса. Автор сообщения ссылалась, в частности, на статьи 1, 2 и 5 а) Конвенции. Прокуратура вынесла постановление об оставлении ее жалобы без удовлетворения 6 декабря 2013 года.

2.32 25 ноября 2013 года автор сообщения подала жалобу в Красногвардейский районный суд в связи с непроведением надлежащего расследования по ее заявлениям о домашнем насилии, которые были зарегистрированы 9 июля и 14 октября 2013 года, и в связи с отказом в возбуждении уголовных дел. Ее жалоба была отклонена 23 декабря 2013 года. Автор подала апелляцию на это решение. 17 апреля 2014 года городской суд Санкт-Петербурга вынес постановление об оставлении ее апелляции без удовлетворения.

2.33 25 ноября 2013 года автор сообщения подала жалобу в Красногвардейский районный суд в связи с непроведением надлежащего предварительного расследования по ее заявлению, которое было зарегистрировано 5 июня 2013 года, и в связи с отказом полиции в возбуждении уголовного дела. В представленной жалобе автор сообщения ссылалась, в частности, на статьи 1, 2, 3 и 5 Конвенции. Районный суд вынес постановление об оставлении ее жалобы без удовлетворения 14 января 2014 года. В порядке апелляционного производства 13 мая 2014 года Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе это решение. Районный суд повторно рассмотрел это дело 27 июня 2014 года и признал излишнюю продолжительность и недостаточность предварительного расследования, но оставил в силе остальную часть своего решения. В порядке апелляционного производства 1 октября 2014 года Санкт-Петербургский городской суд оставил это решение в силе.

2.34 13 марта 2014 года X. обратилась в Красногвардейский районный суд с жалобой на незаконность действий сотрудников отделений полиции № 13 и № 26, в которой говорилось о непроведении надлежащего расследования, неправомерном отказе в возбуждении уголовных дел в соответствии с частью 4 статьи 20

Уголовно-процессуального кодекса и незаконной передачей ее дела мировому судье. Она ссылалась, в частности, на свои права по статьям 1, 2 и 5 а) Конвенции. Ее жалоба была отклонена 9 июня 2014 года. В порядке апелляционного производства 26 августа 2014 года Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе решение районного суда.

Автор Y.

2.35 10 ноября 2014 года Y. подала апелляцию в Нагатинский районный суд города Москвы в связи с решениями полиции от 5 марта 2013 года и 10 августа 2014 года об отказе в возбуждении уголовного дела и в связи с халатностью сотрудников полиции. Она заявила, что насилие, которому она подвергается, носит систематический характер, и отметила, что полиция имеет полномочия напрямую возбудить уголовное дело. В своем апелляционном заявлении она сослалась, в частности, на статьи 1, 2, 5 и 16 Конвенции и общую рекомендацию № 19 Комитета. 20 ноября 2014 года Нагатинский районный суд отклонил ее апелляцию, поскольку 17 ноября 2014 года Нагатинская межрайонная прокуратура отменила решения полиции от 5 марта 2013 года и 10 августа 2014 года об отказе в возбуждении уголовного дела. Суд не дал ответа на доводы автора.

2.36 Нагатинская межрайонная прокуратура распорядилась провести независимое медицинское освидетельствование в связи с телесными повреждениями, полученными Y. 27 февраля 2013 года. Освидетельствование было проведено 18 мая 2015 года.

2.37 30 декабря 2014 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела по заявлению Y. от 27 июля 2013 года. Автор подала апелляцию на это решение в Нагатинский районный суд. 16 марта 2015 года Нагатинский районный суд отклонил жалобу автора. Автор подала еще одну апелляцию в Московский городской суд 26 марта 2015 года. 25 мая 2015 года Московский городской суд отклонил ее апелляцию. Суд отметил, что полиция действовала в соответствии с законом и что фактов халатности выявлено не было.

2.38 Авторы утверждают, что их права по статьям 1, 2, 3 и 5 Конвенции были нарушены и что государство-участника следует просить обеспечить восстановление нарушенных прав и предоставление надлежащего возмещения, включая проведение эффективного расследования и обеспечение наказания виновных, предоставление денежной компенсации за причиненный моральный ущерб, публичное признание допущенных нарушений, принесение публичных извинений и оказание услуг по психологической реабилитации. Что касается общих мер, то авторы заявляют, что государству-участнику следует принять следующие меры: аннулировать положения уголовного и уголовно-процессуального права, касающиеся уголовного преследования в частном порядке за преступление, совершенные внутри семьи; гарантировать осуществление уголовного преследования по делам о домашнем насилии только от имени государства; освободить жертв домашнего насилия от необходимости являться в суд после дачи показаний; предоставлять жертвам домашнего насилия бесплатную юридическую помощь в рамках любого вида судопроизводства, включая бесплатную юридическую помощь в рамках уголовного судопроизводства; создать достаточное количество кризисных центров, чтобы гарантировать жертвам домашнего насилия предоставление убежища и оказание услуг по психологической реабилитации; проводить обязательную подготовку сотрудников правоохранительных и судебных органов по вопросам прав женщин и гендерного насилия, в том числе домашнего насилия; организовывать обязательные реабилитационно-воспитательные программы для лиц, совершивших акты домашнего насилия; и собирать

крупномасштабные статистические данные о преступлениях, совершаемых в отношении женщин.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что представленные факты составляют нарушение их прав по статье 1 Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33. Они заявляют, что государство-участник не в полной мере выполняет положения Конвенции и, в частности, не принимает всеобъемлющее законодательство по вопросам домашнего насилия в соответствии с нормами международного права и не обеспечивает, чтобы такое законодательство вводилось в действие государственными субъектами, осознающими и соблюдающими обязанность по проявлению должной осмотрительности. В результате этого власти не приняли мер по предотвращению насилия в семьях авторов сообщения; не было проведено надлежащего расследования по сообщениям об актах домашнего насилия; и ни один из нарушителей не понес наказания. Кроме того, авторам сообщения было отказано в каких-либо эффективных средствах правовой защиты.

3.2 Авторы отмечают, что, согласно точке зрения Комитета, препятствия и ограничения, не позволяющие женщинам осуществлять свое право на доступ к правосудию наравне с мужчинами, такие как гендерные стереотипы, дискриминационные законы, процедурные и доказательственные требования и практика, а также неспособность на систематической основе обеспечить, чтобы все женщины имели доступ к судебным механизмам, представляют собой нарушение прав человека женщин. По вине государства-участника права авторов в соответствии со статьями 2 b)–f) и 5 а), рассматриваемыми в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции, были многократно нарушены.

3.3 Авторы утверждают, что государство-участник не приняло даже минимального набора мер для обеспечения эффективной защиты в случаях домашнего насилия. Конкретного закона о домашнем насилии не существует, определение понятия домашнего насилия отсутствует в национальном законодательстве, и не все формы насилия в семье наказуемы в соответствии с Уголовным кодексом или Кодексом об административных правонарушениях, в частности не являются наказуемыми оскорбления, угрозы, преднамеренное причинение беспокойства, навязчивое преследование («сталкинг») и экономическое и психологическое насилие. Большинство дел, связанных с домашним насилием, остаются делами частного обвинения, что возлагает непосильную нагрузку на жертв таких преступлений, которые должны выступать в качестве частного обвинителя в ходе уголовного судопроизводства. Данная процедура применяется в случае нанесения побоев и легких телесных повреждений. Выполнение функций частного обвинителя возлагает на жертву тяжелое бремя предоставления доказательств. Полиция не проводит расследования, и прокурор не действует в своем качестве; вместо этого их обязанности возлагаются непосредственно на потерпевшего. Потерпевший должен самостоятельно составить заявление о возбуждении уголовного дела в частном порядке с соблюдением всех процессуальных требований и подать его мировому судье; вызывать и допрашивать свидетелей для целей судебного преследования; подавать ходатайства; запрашивать и получать медицинские записи и заключения экспертов; и допрашивать свидетелей защиты и обвинения. Неявка потерпевшего в суд может привести к прекращению производства по делу. Может быть проведено до 20 слушаний, а общая продолжительность судебного разбирательства может превышать один год. Потерпевший должен доказать, что ответчик виновен вне всяких разумных сомнений.

3.4 Кроме того, в ходе судебного разбирательства не гарантируется безопасность потерпевших. Женщины часто продолжают жить вместе со своими агрессорами и подвергаться насилию. Если потерпевший примиряется с правонарушителем в ходе судебного разбирательства, то производство по уголовному делу прекращается. На практике мировые судьи часто прекращают производство по уголовным делам по этой причине. Поэтому, по мнению авторов сообщения, вся система уголовных дел частного обвинения является неадекватной для рассмотрения дел о домашнем насилии. Тот факт, что дела о насилии в семье рассматриваются как дела частного обвинения, равнозначен дискриминации и нарушению властями их положительных обязательств по пунктам b), c) и f) статьи 2 Конвенции, рассматриваемых в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции и с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33. По мнению авторов сообщения, уголовное преследование виновных в домашнем насилии должно осуществляться государством, с тем чтобы избежать дополнительного бремени и дополнительных рисков для жертв.

3.5 Что касается возбуждения уголовного дела в соответствии с частью 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса, то авторы утверждают, что на практике полиция не возбуждает таких дел, поскольку: а) учитываются только психологическое и физическое здоровье жертвы (наличие инвалидности или серьезного заболевания) и ее возраст, а другие важные факторы не принимаются во внимание; и б) возбуждение преследования по уголовному делу в публичном порядке толкуется как право, а не как обязанность полиции. Ссылаясь на общую рекомендацию № 33 Комитета, авторы подчеркивают, что государство-участник должно обеспечить высокое качество своей судебной системы. Требования к доказательствам не должны быть чрезмерно ограничительными, жесткими или подверженными влиянию гендерных стереотипов. По мнению авторов, узкое толкование норм процессуального права и отказ принять во внимание особые обстоятельства авторов, характер перенесенного насилия и степень риска его повторения позволяют говорить о дискриминации в нарушение пунктов b), c) и f) статьи 2 Конвенции, рассматриваемых в совокупности с ее статьями 1 и 3.

3.6 Авторы утверждают, что при рассмотрении их дел власти руководствовались широко распространенным ошибочным представлением о том, что домашнее насилие не является серьезным преступлением и не представляет угрозы для жизни, безопасности и физической неприкосновенности жертвы, а является «частным делом», и что преследование виновных в таких преступлениях не представляет собой общественный интерес. Полиция и судьи исходили из убежденности в том, что женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, могут без каких-либо существенных затруднений защитить свои права самостоятельно. По этим причинам власти не проявили должной осмотрительности при рассмотрении этих дел, а уголовные дела не возбуждались даже тогда, когда авторы продемонстрировали систематический характер насилия, которому они подвергались. Суды оставили в силе решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

3.7 Сотрудник полиции открыто продемонстрировал в суде 16 марта 2015 года свою приверженность стереотипным представлениям, заявив, что ему известно, что муж Y. является успешным бизнесменом с высокими доходами, который покупал квартиры и автомобили, пока автор сообщения сидела дома. 20 мая 2015 года этот сотрудник полиции заявил в суде, что ему представляется непонятным, почему автор сообщения не переехала жить к своим родителям. Ссылаясь на предыдущую практику Комитета, авторы напоминают, что гендерные стереотипы негативно сказываются на праве женщин на справедливое судебное

разбирательство и доступ к правосудию¹. При рассмотрении дел авторов органы власти опирались на стереотипные взгляды и установки и тем самым нарушили свои обязательства в соответствии со статьей 5 а) Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33.

3.8 Авторы утверждают, что государство-участник не проводит специальной подготовки по вопросам борьбы с домашним и гендерным насилием для сотрудников своих правоохранительных органов, включая полицию, прокуратуру и судебные органы, и не собирает статистических данных о распространенности такого насилия. В результате, когда авторы сообщения в ситуации угрозы своей безопасности обратились за помощью к органам власти, последние не приняли надлежащих мер. Отсутствие надлежащей подготовки и статистических данных является нарушением обязательств государства-участника поощрению и реализации прав женщин.

3.9 Авторы также утверждают, что ни законодательство, ни практика государства-участника не предусматривают реабилитационно-воспитательных программ для лиц, виновных в совершении домашнего насилия. В данном случае реабилитационная работа с правонарушителями не проводилась несмотря на то, что власти были полностью осведомлены о продолжающемся домашнем насилии в обеих семьях. Бездействие властей представляет собой нарушение пунктов b), e) и f) статьи 2 Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19 и № 24 (1999 год) о женщинах и здоровье.

3.10 Авторы далее отмечают, что они не имели возможности получить бесплатную юридическую помощь в связи со своими делами о домашнем насилии. Х. обратилась с просьбой об оказании юридической помощи в центр социальной помощи семье и детям Красногвардейского района Санкт-Петербурга, в ответ на которую ей рекомендовали нанять частного адвоката. У. обратилась за помощью в Московский центр «Надежда», но смогла получить только бесплатную юридическую консультацию, поскольку центр не оказывает услуги представительства в ходе производства по делу в правоохранительных органах и судах. В стране 21 ноября 2011 года был принят федеральный закон о бесплатной юридической помощи, однако он не распространяется на случаи домашнего насилия. Отказ государства-участника должным образом рассмотреть вопрос об оказании юридической помощи по делам о домашнем насилии представляет собой нарушение статьи 2 с) Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28 и № 33.

3.11 Авторы утверждают, что органы власти исходят из того, что их жалобы были поданы в связи с незначительными инцидентами и частными семейными делами, и органы власти не проявили должной осмотрительности, которая заключалась бы в проведении эффективного и своевременного расследования и обеспечении наказания виновных. Х. не была допрошена ни по одному из ее заявлений, которые она подала в полицию. Ее жалобам были уделены лишь беглое внимание, и при подготовке досье по делу полиция ограничилась отчетами о невозможности допроса мужа автора и свидетелей. Результаты медицинского освидетельствования полученных физических повреждений не запрашивались у медицинских учреждений. Полиция раз за разом отказывалась возбуждать уголовные дела в связи с данной ситуацией, даже несмотря на то, что прокуратура признала материалы дела недостаточными. Аналогичным образом, несмотря на то что У. неоднократно подавала в полицию заявления о домашнем насилии, проведенное расследование носило лишь поверхностный характер. Результаты медицинского освидетельствования в связи с инцидентами в феврале 2013 года

¹ Авторы ссылаются на мнения Комитета по делу *Вертидо против Филиппин* (CEDAW/C/46/D/18/2008) и делу *В.К. против Болгарии* (CEDAW/C/49/D/20/2008).

были запрошены лишь в апреле 2014 года. Кроме того, оценка медицинских записей в связи с инцидентом 27 февраля 2013 года была проведена только два с половиной года спустя, в мае 2015 года. Автора сообщения не проинформировали о результатах оценки. Не было проведено надлежащего расследования по заявлению У., представленного в августе 2014 года. Полиция не обращалась к заявлениям автора, а также ее супруга и свидетелей до декабря 2014 года, когда автор подала жалобу на халатность. Распоряжение о проведении оценки медицинских записей по данному делу было отдано только в июне 2015 года. Автор не располагает какой-либо информацией о результатах этой процедуры. По мнению авторов, отказ властей провести своевременное и эффективное расследование по их жалобам и привлечь виновных к ответственности представляет собой нарушение пунктов b)–f) статьи 2 и пункта a) статьи 5 с учетом общих рекомендаций Комитета № 19 и № 28.

3.12 Авторы утверждают, что в рамках национального законодательства и практики они были лишены эффективных внутренних средств правовой защиты и доступа к компенсации и реабилитации в связи с их просьбами о возбуждении уголовных дел по факту домашнего насилия. По их жалобам не было проведено должного расследования; вместо этого власти исходили в своих действиях из стереотипных представлений. В соответствии с общей рекомендацией № 28 Комитета женщины, чьи права согласно Конвенции были нарушены, имеют право на возмещение вреда. В связи с упорным отказом властей проводить расследование авторы оказались лишены права на компенсацию. Что касается реабилитации, то У. не было предложено государством никаких реабилитационных услуг, а Х. воспользовалась услугами реабилитации, предоставляемыми неправительственной организацией. Испытываемые ими страдания усугублялись тем, что по их жалобам не проводилось эффективного расследования, их не информировали о ходе рассмотрения их дел, а суды, в которых они обжаловали решения полиции, оставляли эти решения в силе. Лишение доступа к эффективным внутренним средствам правовой защиты и возможности получения компенсации и прохождения реабилитации составляет нарушение пунктов b) и e) статьи 2 Конвенции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В вербальной ноте от 20 мая 2016 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения. Государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 401.1 Уголовно-процессуального кодекса, вступившие в законную силу решения могут быть обжалованы в кассационном порядке. Эффективность процесса обжалования была подтверждена в решении о неприемлемости, вынесенного Европейским судом по правам человека по делу *Абрамян и другие против Российской Федерации*², а также во мнениях Комитета по делу *Медведева против Российской Федерации (CEDAW/C/63/D/60/2013)*³.

4.2 Поскольку ни один из авторов сообщения не подавала кассационной жалобы, государство-участник считает, что данное сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

² См. European Court of Human Rights, *Abramyan and others v. Russian Federation* (applications Nos. 38951/13 and 59611/13), decision of 12 May 2015.

³ Кроме того, государство-участник представляет статистические данные для подтверждения того, что соответствующая процедура является эффективной.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 Авторы сообщения представили комментарии к замечаниям государства-участника 23 июня 2016 года. Они отмечают, что в рассмотренном Европейским судом по правам человека деле, на которое ссылается государство-участник, разбирательство было гражданским, а не уголовным и, следовательно, принятое по нему решение не имеет отношения к настоящему делу. Что касается мнений Комитета по делу *Медведева против Российской Федерации*, то авторы отмечают, что в этом случае Комитет заключил, что процедура кассационного обжалования не обеспечила бы эффективного удовлетворения требований и потому не является средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано для целей признания приемлемости сообщения.

5.2 Кроме того, в 2013 и 2014 годах всякое рассмотрение жалоб авторов было прекращено с принятием решений об отказе в возбуждении уголовных дел, после чего эти решения были отменены прокурорами и дела возвращены тем же следователям, которые затем вновь приняли решения об их закрытии. Попытки авторов добиться возмещения вреда в районных и городских судах были безуспешными. Соответствующие государственные органы не провели ни одного реального расследования по жалобам авторов, что отражает сложившуюся тенденцию при рассмотрении дел о домашнем насилии.

5.3 Также следует отметить, что срок давности для привлечения к ответственности за домашнее насилие является очень коротким (два года), и этот срок уже истек для нескольких затрагивающих авторов инцидентов. С учетом того, что продолжительность судебного разбирательства по делам о домашнем насилии в Москве и Санкт-Петербурге может составлять до 18 месяцев, вероятность привлечения виновных к ответственности является крайне низкой. В некоторых случаях виновные в нанесении побоев и причинении телесных повреждений освобождались от уголовной ответственности в силу нормативных актов об амнистии, таких как амнистия, объявленная в связи с семидесятой годовщиной победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 годы).

5.4 Авторы подчеркивают, что государство-участник ссылается на средства правовой защиты, которые носят чрезвычайный характер, неоправданно затягивают процесс и с низкой долей вероятности могут привести к эффективному удовлетворению правоприязания по смыслу статьи 4 (1) Факультативного протокола.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 9 декабря 2016 года государство-участник представило дополнительные замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Оно представило статистические данные, свидетельствующие о том, что кассационные жалобы могут приводить к отмене решений, в отношении которых осуществляется обжалование. В 2014 году Верховный Суд рассмотрел 354 дела, по 340 из которых он вынес решение в пользу лица, подавшего кассационную жалобу: например, 17 приговоров были отменены и в 3 случаях дела были возвращены для проведения нового расследования; 5 дел были окончательно закрыты; 8 обвинительных приговоров были частично изменены; и 10 постановлений судов апелляционной инстанции были аннулированы с передачей дел на новое рассмотрение. В 2015 году Верховный Суд рассмотрел 240

дел, по 226 из которых он вынес решение в пользу лица, представившего кассационную жалобу. В 2016 году Верховный Суд рассмотрел 103 дела. Государство-участник приводит ряд примеров решений Верховного Суда по кассационным жалобам.

6.2 Государство-участник далее отмечает, что Европейский суд по правам человека в деле *Абрамян и другие против Российской Федерации* постановил, что процедура, измененная в 2013 году по итогам рассмотрения кассационных жалоб в рамках гражданского судопроизводства, является обычным средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано до обращения в Суд.

6.3 Что касается существа сообщения, то государство-участник напоминает обстоятельства дела. Оно отмечает, что оба автора утверждают, что власти не приняли меры по предупреждению домашнего насилия и, в частности, не провели расследование по представленным авторами заявлениям о домашнем насилии, не обеспечили наказание виновных и отказали авторам в их праве на эффективные средства правовой защиты.

6.4 Государство-участник отмечает, что оба автора добровольно жили вместе со своими мужьями в течение длительного периода времени, в то время как они подвергались психологическому и физическому насилию. Авторы стали жить отдельно от своих мужей лишь по прошествии длительного периода времени. Обоим авторам была оказана психологическая и юридическая помощь в специализированных центрах вблизи их места жительства, а Х. было предоставлено жилье.

6.5 Авторы подали жалобы на домашнее насилие в правоохранительные органы. По всем их жалобам были проведены расследования, по результатам которых не было обнаружено признаков состава преступлений, более серьезных, чем предусмотренные статьей 116 Уголовного кодекса. Авторы были уведомлены о том, что их жалобы подлежат рассмотрению как уголовные дела частного обвинения, которые возбуждаются путем подачи заявления мировому судье.

6.6 Авторы сообщения пояснили, что они не обращались к мировому судье, поскольку они не знакомы с работой судебной системы и поэтому не могут участвовать в заседаниях суда и выступать в качестве частных обвинителей (включая подготовку запроса об открытии дела, сбор доказательств, вызов свидетелей и их допрос в суде и допрос подозреваемых). Авторы возражают против проведения разбирательства мировым судьей, возложения бремени доказывания на потерпевшего и возможности того, что их дела могут быть закрыты ввиду отсутствия обязательства осуществлять расследование соответствующих актов насилия в публичном порядке. По заявлению государства-участника, в статье 318 Уголовно-процессуального кодекса четко определена информация, необходимая для открытия дела мировым судьей. Содержание этой статьи было разъяснено авторам сообщения. Кроме того, в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса, при осуществлении уголовного преследования в частном порядке потерпевший может быть представлен адвокатом, близким родственником или другим лицом. Интересы авторов сообщения представляли адвокаты в судах первой и апелляционной инстанции. Их также представляет адвокат в процессе их взаимодействия с Комитетом.

6.7 Что касается дел частного обвинения, то Конституционный Суд постановил в сентябре 2013 года, что Конституция гарантирует всем государственную защиту их прав и свобод, включая судебную защиту, и обязывает государство предоставлять потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 45, 46 и 52 Конституции). Это обязательство также закреп-

лено в статье 21 Конституции. Аналогичный подход предусматривается в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 года, в которой Генеральная Ассамблея призвала государства обеспечить, чтобы судебное и административное разбирательство отвечало потребностям жертв преступлений, в том числе путем предоставления надлежащей защиты в ходе разбирательства, а также возможности для выражения мнений и рекомендаций жертв преступлений в ходе разбирательства. Законодательная власть установила порядок уголовного судопроизводства и виды уголовного преследования, которое в зависимости от тяжести и характера преступления может осуществляться в публичном, частно-публичном или частном порядке.

6.8 Вид уголовного судопроизводства по делам частного обвинения зависит от рассматриваемого уголовного дела. Такие преступления часто совершаются в результате личных конфликтов в семье или между соседями или коллегами. Дела частного обвинения возбуждаются на основании заявления потерпевшего. Уголовное преследование в частном порядке осуществляется за преступления, которые не представляют значительной общественной опасности и раскрытие которых в принципе не представляет сложности; по этим причинам считается, что сама потерпевшая сторона может провести уголовное преследование. Если какое-либо из преступлений, рассматриваемых в рамках процедуры уголовного преследования в частном порядке, совершено в отношении лица, которое в силу своего зависимого или беспомощного состояния или по иным причинам не может защитить свои права и законные интересы, следственные органы возбуждают уголовное дело даже при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя.

6.9 В свете вышеизложенных соображений государство-участник считает, что права авторов в соответствии с Конвенцией не были нарушены.

Комментарии авторов к дополнительным замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

7.1 В письме от 31 марта 2017 года авторы представили комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения. Авторы вновь заявляют, что они исчерпали все имеющиеся средства правовой защиты, которые оказались безрезультатными. По мнению государства-участника, авторы могли бы также: а) подать кассационную жалобу в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса; и/или б) возбудить уголовное дело частного обвинения.

7.2 По вопросу исчерпания внутренних средств правовой защиты авторы считают, что кассационная жалоба не может гарантировать восстановление прав авторов и не обеспечивает разумной вероятности положительного исхода дела, учитывая, что она представляет собой чрезвычайное средство правовой защиты и ее эффективность в аналогичных случаях не может быть подтверждена прецедентной практикой судов. При подаче кассационной жалобы на основании статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса судья не вправе вмешиваться в расследование, отменять или требовать отмены решения, которое он считает незаконным или необоснованным, делать выводы относительно обстоятельств дела, оценки доказательств или квалификации преступных деяний. Суд не может обязать возбудить уголовное дело *ex officio* или осуществить конкретную процес-

суальную деятельность. По тем же причинам Европейский суд по правам человека отметил неэффективность процедуры апелляция в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса⁴.

7.3 Что касается упоминания государством-участником решения Европейского суда по правам человека по делу *Абриян и другие против Российской Федерации* и мнений комитета по делу *Медведева против Российской Федерации*, то авторы отмечают, что в отличие от настоящего дела, в котором речь идет об уголовном праве, упомянутые дела касались вопросов гражданского права. Кроме того, государство-участник сослалось на дело *Абриян и другие против Российской Федерации* в качестве доказательства эффективности кассационного производства. По утверждению авторов сообщения, Европейский суд по правам человека не заявлял, что разбирательство в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса представляет собой эффективное средство правовой защиты, которое должно быть исчерпано до обращения в Суд. Кроме того, по делу *Гасан против Российской Федерации*⁵ Европейский суд по правам человека постановил, что процедура обжалования с внесенными в нее поправками не является стандартным средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано до обращения в Суд. Таким образом, кассационная жалоба не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты в делах, аналогичных рассматриваемому делу. Государство-участник должно доказать, что конкретное средство правовой защиты является эффективным, в частности, путем приведения примеров из национальной судебной практики. В данном случае этого сделано не было. Авторы утверждают, что приведенные государством-участником примеры представляют собой дела, которые относятся к другой категории, по сравнению с категорией рассматриваемого дела.

7.4 Авторы вновь заявляют, что уголовное преследование в частном порядке не является адекватным средством правовой защиты в случаях домашнего насилия. Комитет отметил необходимость предоставления женщинам, ставшим жертвами домашнего насилия, своевременного доступа к правосудию, в том числе — при необходимости — к юридической помощи⁶.

7.5 Кроме того, Комитет неоднократно признавал, что практика квалифицировать домашнее насилие в качестве «частного дела» носит пагубный характер и основана на стереотипах. Практика уголовного преследования в частном порядке возлагает бремя доказывания на жертву насилия без обеспечения ее надлежащей защиты (например, с помощью судебного защитного предписания). Лишь 20 процентов уголовных дел частного обвинения завершаются вынесением обвинительного приговора. Доля оправдательных приговоров по делам о домашнем насилии составляет 87 процентов от общего числа оправдательных приговоров в Российской Федерации. Неправительственные организации неоднократно указывали на неэффективность этой процедуры. В своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации (CEDAW/C/RUS/CO/8) Комитет выразил озабоченность по поводу того, что насилие в семье считается «частным делом», и рекомендовал государству-участнику предусмотреть преследование *ex officio* за домашнее и сексуальное насилие. Европейский суд по правам человека также обратил внимание на необходимость возбуждения уголовных дел по факту домашнего насилия от имени государства, вне зависимости от готовности жертвы возбуждать уголовное дело

⁴ European Court of Human Rights, *Yefimova v. Russian Federation* (application No. 39786/09), judgment of 19 February 2013; and *Dobriyeva and others v. Russian Federation* (application No. 18407/10), judgment of 19 December 2013.

⁵ European Court of Human Rights, *Gasan v. Russian Federation* (application No. 43402/02), judgment of 24 February 2005.

⁶ См. *A.T. против Венгрии* (A/60/38, часть первая, приложение III).

частного обвинения, а также на необходимость преследования и наказания виновных⁷.

7.6 В рассматриваемом случае авторы сообщали о домашнем насилии в полицию и обращались с просьбой о возбуждении уголовного дела, однако власти отказывались сделать это в течение длительного времени, ссылаясь на необходимость уголовного преследования в частном порядке. В результате насилие в отношении авторов продолжалось. Наличие постоянной угрозы авторам сообщения и их детям должно было быть принято во внимание в качестве исключительного обстоятельства, когда полиция принимала решение о том, следует ли возбуждать уголовное дело.

7.7 Кроме того, концепция эффективного средства правовой защиты и доступа к нему должна учитывать особые потребности жертв домашнего насилия. Процедура частного обвинения требует постоянного присутствия потерпевшего, даже если он представлен адвокатом. Отсутствие потерпевшего в суде приводит к закрытию дела. Такие разбирательства являются продолжительными по времени, и по ним не предоставляется бесплатная юридическая помощь, что ограничивает доступ к этому средству правовой защиты; кроме того, обращение к этой процедуре приводит к повторной виктимизации жертв насилия. Х. пояснила, что во время проведения разбирательства каждый раз, когда она встречалась со своим мужем, он подвергал ее физическому насилию в общественных местах у ее несовершеннолетней дочери. Из страха она была вынуждена искать убежища в приюте для жертв домашнего насилия. Таким образом, рассматриваемое средство правовой защиты явно не является надлежащим в таких обстоятельствах, и автору пришлось рисковать своей физической и психологической неприкосновенностью в попытке его исчерпать. Кроме того, Y., которая является матерью троих детей, была вынуждена продолжать жить в одной квартире со своим мужем, который постоянно подвергал ее насилию. Она боялась за свою безопасность, но власти не предоставили ей никакой защиты, несмотря на осведомленность о продолжающемся насилии. Эти обстоятельства не позволили ей возбудить уголовное дело частного обвинения. Кроме того, даже при наличии юридического представительства присутствие обоих авторов сообщения в суде было бы обязательным. Также следует отметить, что с учетом принятого в 2015 году постановления об амнистии в связи с 70-летием победы в Великой Отечественной войне все попытки добиться наказания виновных были бы тщетными.

7.8 В свете вышеизложенного авторы утверждают, что государство-участник не смогло продемонстрировать, что упомянутое средство правовой защиты является надлежащим и что к нему был обеспечен доступ, поскольку оно не дает возможности обеспечить эффективное удовлетворение правоприязнаний авторов, восстановить их права и защитить их от продолжающегося насилия.

7.9 Кроме того, авторы утверждают, что отсутствие специального законодательства, направленного на защиту жертв домашнего насилия, срочных мер защиты (судебных защитных предписаний) и бесплатной юридической помощи по делам о домашнем насилии является нарушением Конвенции. В этой связи авторы отмечают, что государство-участник не представило возражений против этого аспекта сообщения.

⁷ См. European Court of Human Rights, *Opuz v. Turkey* (application No. 33401/02), judgment of 9 June 2009; *Bevacqua and S. v. Bulgaria* (application No. 71127/01), judgment of 12 June 2008; and *M.C. v. Bulgaria* (application No. 39272/98), judgment of 4 December 2003.

7.10 В 2016 году в статью 116 Уголовного кодекса, касающуюся побоев близких лиц, были внесены изменения, и уголовное преследование по таким делам перешло из категории дел частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения (дело возбуждается полицией по заявлению потерпевшего). В феврале 2017 года нанесение побоев в семье было декриминализовано, и такие действия больше не являются уголовным преступлением и квалифицируются как административное правонарушение.

7.11 В свете вышеизложенного авторы считают, что они сделали все возможное для защиты своих прав на национальном уровне. В течение длительного времени властям было известно о том, что авторы сообщения неоднократно подвергались насилию и угрозам, однако ни одна из них не смогла получить необходимую помощь. Учитывая, что они подали многочисленные жалобы в полицию и суды первой и второй инстанции, требование прибегнуть к дополнительному, чрезвычайному, неэффективному и малодоступному средству правовой защиты не может рассматриваться как соответствующее духу Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

8.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

8.2 В соответствии с подпунктом а) пункта 2) статьи 4 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что тот же вопрос еще не был рассмотрен и не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

8.3 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник отметило, что в соответствии со статьей 401.1 Уголовно-процессуального кодекса вступившие в законную силу решения суда могут быть обжалованы в кассационном порядке. При этом ни один из авторов не подала кассационной жалобы.

8.4 Комитет принял к сведению возражения авторов относительно неэффективности кассационного производства по уголовным делам. Комитет отмечает, что эта процедура позволяет обжаловать вступившие в силу решения только по вопросам права. Решения о принятии дела к рассмотрению кассационным судом носят дискреционный характер, поскольку принимаются единолично судьей и не имеют временных рамок. Кроме того, Комитет отмечает, что, несмотря на представление государством-участником некоторых статистических данных (см. п. 6.1 выше) об использовании кассационной процедуры за последние годы, государство-участник не представило примеров, свидетельствующих о наличии разумной вероятности того, что такая процедура обеспечит эффективное средство правовой защиты в обстоятельствах данного дела, и не представило сведений о том, сколько из упомянутых им дел было связано с домашним насилием. Также следует учитывать, что необходимость подачи автором дальнейших жалоб приведет к дополнительным неоправданным задержкам. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу об отсутствии препятствий для рассмотрения им данного сообщения в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола. Комитет также считает, что у него нет причин считать сообщение неприемлемым на каких-либо иных основаниях, и, соответственно, признает его приемлемым.

8.5 Не усмотрев никаких препятствий для признания приемлемости сообщения, Комитет приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему авторами сообщения и государством-участником, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что в нарушение их прав по статье 1 Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28, № 33 и рекомендации № 35 (2017 год) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления общей рекомендации № 19, государство-участник не смогло обеспечить их защиту от повторяющихся актов домашнего насилия. В данном случае оба автора неоднократно становились жертвами актов домашнего насилия со стороны их мужей. Все жалобы, поданные авторами и медицинским персоналом от их имени властям и полиции, не принесли искомого результата, и против виновных не было возбуждено ни одного уголовного дела, несмотря на два решения, которыми Нагатинская межрайонная прокуратура отменила решения полиции о невозбуждении уголовного дела; в результате виновные не понесли наказания. Полиция так и не допросила Х. по содержанию ее заявлений, и ни один из авторов не была проинформирована властями о ходе рассмотрения ее дела. Вместо этого авторы были проинформированы о том, что они могут возбудить против своих обидчиков уголовное дело частного обвинения.

9.3 Комитет напоминает о том, что дискриминация в отношении женщин по смыслу статьи 1 Конвенции включает гендерное насилие в отношении женщин⁸. Такая дискриминация не ограничивается действиями, которые совершаются государствами-участниками или от их имени. Напротив, в соответствии с пунктом е) статьи 2 Конвенции государства-участники несут ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, если такие государства не проявляют должной осмотрительности для предотвращения нарушений прав или расследования актов насилия или наказания виновных, а также государства-участники несут ответственность за предоставление компенсации⁹. Кроме того, Комитет напоминает, что пункты а), f) и g) статьи 2 устанавливают обязанность государств-участников в рамках проводимой политики ликвидации дискриминации в отношении женщин обеспечить их правовую защиту, а также отменить или изменить дискриминационные законы и нормативные акты¹⁰.

9.4 Комитет считает, что, проводя судебное разбирательство по делам о домашнем насилии в рамках системы уголовного преследования в частном порядке, государство-участник не может выполнить свое обязательство проявлять должную осмотрительность для предупреждения актов насилия и наказания за них в рамках своих обязательств по статье 2 Конвенции. Кроме того, в соответствии со статьей 4 с) Декларации об искоренении насилия в отношении женщин государства должны уделять надлежащее внимание вопросам предупреждения и расследования актов насилия в отношении женщин и наказания за них в соответствии с национальным законодательством, независимо от того, совершены ли такие акты государством или частными лицами.

9.5 Комитет принимает к сведению заявление авторов сообщения о том, что в законодательстве государства-участника нет какого-либо определения понятия

⁸ Общая рекомендация № 19, пункт 6.

⁹ Там же, пункт 9.

¹⁰ Общая рекомендация № 28, пункт 31.

домашнего насилия и не предусмотрены эффективные меры правовой защиты от такого насилия (см. п. 3.3 выше). Комитет напоминает о статье 3 Конвенции и своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника, в которых он рекомендовал государству-участнику в срочном порядке принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая домашнее насилие; предусмотреть преследование *ex officio* за домашнее и сексуальное насилие; гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также привлечение виновных лиц к судебной ответственности и обеспечение надлежащего наказания (CEDAW/C/RUS/CO/8, п. 22 а)). По мнению Комитета, тот факт, что жертве домашнего насилия приходится осуществлять уголовное преследование в частном порядке, в соответствии с которым бремя доказывания возлагается полностью на потерпевшего, лишает жертву насилия доступа к правосудию¹¹. Комитет отмечает, что поправки к национальному законодательству (ст. 116 Уголовного кодекса), которыми была отменена уголовная ответственность за нанесение побоев (многие дела о домашнем насилии квалифицируются как «побои» ввиду отсутствия в российском законодательстве определения понятия «домашнее насилие»)¹², имеют неправильную направленность и ведут к безнаказанности виновных в домашнем насилии.

9.6 Комитет считает, что невнесение государством-участником поправок в свои законодательные акты, касающиеся домашнего насилия, в целях приведения их в соответствие с международными стандартами непосредственно повлияло на возможность для авторов сообщения требовать правосудия и получить доступ к эффективным средствам правовой защиты и мерам защиты. Кроме того, Комитет обеспокоен поправками 2017 года, которые сократили объем защиты от домашнего насилия, предоставляемой женщинам, и таким образом способствовали распространению безнаказанности.

9.7 Комитет считает, что в отсутствие всеобъемлющего закона о домашнем насилии и надлежащего определения понятия «домашнее насилие» в законодательстве, процедура, требующая от авторов возбуждения уголовного дела частного обвинения, в рамках которого они должны вызывать и допрашивать свидетелей, собирать доказательства, обеспечивать свое постоянное присутствие и тем самым сталкиваться с необходимостью постоянно контактировать со своими обидчиками непосредственно в суде — поскольку в противном случае им угрожает риск закрытия дела — при отсутствии системы защиты жертв домашнего насилия, не может считаться надлежащим механизмом для пресечения такого серьезного преступления, как домашнее насилие, и для осуществления уголовного преследования и наказания виновных в таком преступлении.

9.8 Комитет считает, что домашнее насилие представляет собой грубое нарушение прав человека такой степени, которая оправдывает необходимость уголовного преследования в публичном порядке, и обращается к государству-участнику с призывом в рамках его прерогатив организовать свой внутренний правовой порядок с учетом международных стандартов. Принцип должной осмотрительности требует, чтобы государство-участник создало систему эффективного и оперативного расследования случаев домашнего насилия, с тем чтобы

¹¹ См. общую рекомендацию № 33, п. 15 g).

¹² По состоянию на 7 февраля 2017 года нанесение побоев «близким лицам» без причинения вреда здоровью квалифицировалось как административное правонарушение, а не уголовное преступление. Под «близкими лицами» понимаются супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки, опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

обеспечить уголовное преследование и наказание виновных и предоставление пострадавшим адекватного возмещения вреда. В отсутствие какой-либо другой информации, имеющей отношение к делу, Комитет постановляет, что утверждения авторов со всеми изложенными в них подробностями следует уделить должное внимание. Соответственно, Комитет считает, что изложенные факты свидетельствуют о нарушении прав авторов по статьям 2 а), е)–(g) и 3) Конвенции, рассматриваемых совместно со статьей 1 Конвенции, с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28, № 33 и № 35.

9.9 Комитет принимает к сведению оставленное без опровержения государством-участником утверждение авторов о том, что при рассмотрении заявлений авторов власти рассматривали акты домашнего насилия в качестве «частного дела» и исходили в своих действиях из стереотипных взглядов и представлений. Комитет вновь подтверждает, что Конвенция налагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, нарушающие положения Конвенции¹³. Комитет также подчеркивает, что для полного осуществления Конвенции от государств-участников требуется не только принять меры для ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и изменять и преобразовывать гендерные стереотипы и ликвидировать основанную на таких стереотипах неправомерную практику, которая является как коренной причиной и так и следствием дискриминации в отношении женщин¹⁴. Устойчивый характер гендерных стереотипов поддерживается различными средствами и институтами, включая законы и правовые системы, и их сохранению могут способствовать государственные субъекты во всех ветвях власти и на всех уровнях, а также частные лица¹⁵. Комитет подчеркивает также, что применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является домашним или гендерным насилием, как отмечается в общей рекомендации № 33¹⁶.

9.10 В отсутствие дополнительной информации, имеющей отношение к делу, Комитет постановляет, что утверждениям авторов следует уделить должное внимание. Соответственно, Комитет считает, что изложенные факты свидетельствуют о нарушении прав авторов по статье 5 а) Конвенции с учетом общих рекомендаций Комитета № 19, № 28, № 33 и № 35.

9.11 В свете сделанных выше заключений Комитет не будет рассматривать другие требования авторов.

10. Действуя на основании пункта 3 статьи 7 Факультативного протокола и учитывая вышеизложенные соображения, Комитет считает, что государство-участник нарушило права авторов, предусмотренные статьями 2 а), е), f) и g), 3 и 5 а) Конвенции, которые следует рассматривать совместно со статьей 1 Конвенции и содержанием общих рекомендаций Комитета № 19, № 28, № 33 и № 35.

11. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

- а) в отношении авторов сообщения:

¹³ См. *В. К. против Болгарии* (CEDAW/C/49/D/20/2008), п. 9.11; и *Л.Р. против Республики Молдова* (CEDAW/C/66/D/58/2013), п. 13.6.

¹⁴ См. *Белоусова против Казахстана* (CEDAW/C/61/D/45/2012), п. 10.10.

¹⁵ См. *Р.К.Б. против Турции* (CEDAW/C/51/D/28/2010), п. 8.8.

¹⁶ См. *Л.Р. против Республики Молдова*, п. 13.6.

- i) провести пересмотр судебных разбирательств по делам о домашнем насилии, совершенном в отношении обоих авторов, с целью обеспечить уголовное преследование и наказание виновных;
 - ii) предоставить авторам надлежащую компенсацию и обеспечить всестороннее возмещение ущерба пропорционально тяжести нарушения их прав и оказать им услуги по реабилитации;
 - iii) провести тщательное и беспристрастное расследование в целях выявления недостатков в работе государственных структур и применяемой ими практике, которые стали причиной лишения авторов их права на защиту;
- b) в общем порядке:
- i) подписать и ратифицировать Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием;
 - ii) принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения гендерного насилия, включая домашнее насилие, предусмотреть преследование *ex officio* за домашнее и сексуальное насилие и гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом;
 - iii) на систематической основе проводить уголовное преследование в публичном порядке по факту домашнего насилия и пересмотреть систему уголовного преследования в частном порядке по делам о домашнем насилии — в соответствии с которой бремя доказывания несправедливым образом возлагается исключительно на жертв такого насилия, — с тем чтобы обеспечить равенство сторон в судебном разбирательстве в соответствии с пунктом 15 g) общей рекомендации № 33;
 - iv) разработать протокол рассмотрения жалоб о домашнем насилии с учетом гендерных аспектов на уровне полицейских участков для обеспечения того, чтобы рассмотрение срочных или обоснованных жалоб о домашнем насилии не откладывалось в порядке суммарного производства и чтобы жертвам своевременным образом предоставлялась соответствующая защита;
 - v) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, в том числе полицейских и прокуроров, по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности общих рекомендаций № 19, № 28, № 33 и № 35;
 - vi) выполнять свои обязательства по обеспечению уважения, защиты и реализации прав человека женщин, в том числе права на защиту от всех проявлений гендерного насилия, в частности домашнего насилия, запугивания и угроз насилием;
 - vii) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все сообщения о насилии в отношении женщин по признаку пола, обеспечить возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;
 - viii) предоставлять жертвам гендерного насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную

правовую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с указаниями, изложенными в общей рекомендации № 33 Комитета;

ix) организовывать реабилитационно-воспитательные программы для правонарушителей и программы обучения ненасильственным методам разрешения конфликтов;

x) разработать и принять при активном участии всех заинтересованных сторон, таких как женские организации, эффективные меры по искоренению стереотипов, предрассудков, обычаев и практики, которые оправдывают или поощряют домашнее насилие;

12. В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник должно надлежащим образом рассмотреть мнения Комитета вместе с его рекомендациями и предоставить Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику надлежит также опубликовать настоящие мнения и рекомендации и обеспечить их широкое распространение в государстве-участнике, с тем чтобы с ними могли ознакомиться все слои общества.
